

Новый

КОРЧАГ

международный поэтический альманах

2017

выпуск первый

выпуск первый

международный поэтический альманах
Ассоциации русских поэтов «Азъ есмь»

2017

Главный редактор
Сергей ДУНЕВ

Представители редакции:

Владимир СПЕКТОР

Михаил ЛЕЦКИН

Анна ЛУЧЕЗАРОВА

Константин ВАСИЛЬЧЕНКО

Автор логотипа

Михаил РАКОВ

E-mail: zt-covcheg@rambler.ru

Житомир
2017

ББК 84 (4Укр – 4Рус) 6

У2

К56

«КОВЧЕГ»

Международный литературно-художественный журнал

Ассоциации русских поэтов «Азъ есмь»

Издаётся с 2004 года

издательской группой Ассоциации

«Новый КОВЧЕГ»

Международный поэтический альманах

(электронная версия)

Издаётся с 2017 года

Все произведения печатаются в авторской редакции.

Редколлегия несёт полную ответственность
за содержание выпуска.

E-mail: zt-covcheg@rambler.ru

© АРП «Азъ есмь», 2017г.

© Группа «Новый КОВЧЕГ», тексты, 2017г.

СОДЕРЖАНИЕ

КАПИТАНСКИЙ МОСТИК

Сергей ДУНЕВ	5
На пути к Парнасу	

ПОЭЗИЯ

Галина АКИМОВА	6
<i>Харьков</i>	
Константин ВАСИЛЬЧЕНКО	11
<i>Израиль</i>	
Сергей ДУНЕВ	16
<i>Житомир</i>	
Ирина ЕВСА	21
<i>Харьков</i>	
Михаил ЛЕЦКИН	26
<i>Житомир</i>	
Лариса ЛУКАШЕВСКАЯ	32
<i>Одесса</i>	
Анна ЛУЧЕЗАРОВА	37
<i>Херсон</i>	
Игорь МАРКЕС	43
<i>Полтава</i>	
Виктор МОСТОВОЙ	48
<i>Стаханов</i>	

Валентин НЕРВИН <i>Воронеж</i>	52
Илья РЕЙДЕРМАН <i>Одесса</i>	57
Владимир СПЕКТОР <i>Германия</i>	62
Фёдор Фм <i>Москва</i>	66
Марина ШАДУЯ <i>Брест</i>	68
Светлана ШАХАНОВА <i>Черновцы</i>	70
Анатолий ШЕВЧЕНКО <i>Мариуполь</i>	74
Любовь ШЕМЧУК <i>Ромны</i>	77

Это время – трудновато для пера,
но скажите вы, калеки и калекши,
где, когда, какой великий выбирал
путь, чтобы протоптанней и легче?

на пути к парнасу

Когда за душой нет хороших произведений, нечего ссылаться на внешние трудности. Можно временно помешать что-то напечатать, но невозможно помешать это написать. Для того чтобы осуществить истинное свое предназначение, художник должен быть свободен от тщеславия, от предвзятости, от ориентации на моду, на превалирующие в данный момент художественные вкусы.

Вот таких литераторов, поставленных ныне в экстремальные условия, но продолжающих работать, и следует оберегать и поддерживать. Более того – защищать, ибо они своим творчеством способны защитить других, но сами не умеют защищаться. Если бы эти люди были практичными, если бы они умели оттирать ближнего от кормушки, они бы никогда не стали писателями.

Такова позиция журнала, с этой целью «Ковчег» создавался. И хотя выходит он под эгидой ассоциации поэтов, искусство в нем представлено во всем своем многообразии.

В этом плане уместна цитата из Блока, который отмечал, что узкая специализация для писателя губительна:

«Писатель должен помнить о живописце, музыканте, архитекторе, тем более прозаик – о поэте, поэт – о прозаике. Так же неразлучны в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотделимы от них и друг от друга – философия, религия, общественность, даже политика. Вместе они и образуют мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры....»

Уверен, «Новый КОВЧЕГ» выполнит свою задачу, не превратится в лодку Маая, а, преодолев потоп бездуховности, захлестнувший нас сегодня, донесет лучшее на вершину Парнаса.

Сергей ДУНЕВ,
главный редактор

Галина
АКИМОВА

**ЦЕЛУЕМСЯ
В МЕТРО**

Места есть на планете,
Где тихо и светло.
А мы с тобой как дети,
Целуемся в метро.

Да, кажется, нелепо,
И, видимо, смешно –
Два взрослых человека,
Знакомые давно.

Художник-provокатор,
Отъявленный Дали –
Ползущий эскалатор
На глубине земли.

И добрый сюр, и вечный,
И щурится хитро.
И мы с тобой беспечно
Целуемся в метро.

Захваченные в сети,
Зажатые в тиски,
Мы, как нигде на свете,
Безвыходно-близки.

Чужие спины, плечи,
И каждый – о себе.
И вправду, скрыться легче
От глаз толпы – в толпе.

Пускай давно не ново,
Пускай, как мир, старо –
Мы снова, снова, снова
Целуемся в метро...

...Распахнутые вены
Разъятой пустоты.
И мраморные стены
С прожилками воды...

ГОРОД

Отъехал автобус.
Сменился пейзаж.
О, как же недолго твой город был наш...
И вот опустел.
Но заметишь ли ты,
Как города тотчас поникли черты?

Как улицы стали длинней и скучней,
И птицы слетели со всех площадей,
Осыпались краски кричащих витрин,
И ты в этом городе житель один.

А я обживаю поля за окном...
И надо бы думать о чём-то другом –
О хлебе насущном и срочных делах.
Пытаться держать себя в слабых руках.

Но город дождём размывает мой путь,
С отчаянной силой надеясь вернуть.
Включает камней потаённый магнит,
Тоской колокольной вдогонку звонит,

Взрывает стекляшки в цветном витраже...
Твой город меня не отпустит уже.
Завяжутся в узел дороги, мосты.
Твой город меня не отпустит.
А ты?

КРЫЛЬЯ

Что ваши крылья? Проели всю плешь мне
Крылья, моря, корабли.
Кто-то найдётся отчаянно-нежный
И оторвёт от земли.

Что ваши крылья? – Потрёпанный образ
В прочих отсутствие слов.
Кто-то найдётся и пошлости пропасть
Светом зальёт до краёв.

Будет неистовый ветер попутный
Жадно ласкать паруса.
Будут врываться в кромешные будни
Ангельские голоса.

Будет он Шёлковым, будет он Млечным,
Но не изменится суть –
Межгалактический, межчеловечий
Сердцестремительный путь.

В заданных контурах книжки-раскраски,
В контуре ткущихся дней
Что наши крылья? – Любимая сказка
Взрослых уставших детей.

МИЛЫЕ БАБОЧКИ

Вот они – под стеклом, на иголочках.
Под замочек надёжно упрятаны,
По ранжиру и рангу приколоты,
И одна живописней другой.

Вот они – наши чудные бабочки,
Жить мешавшие, спать не дававшие,
Трепыхавшиеся добросовестно –
Обрели долгожданный покой.

Сколько раз я лицо твоё видела,
Искажённое спазмами нежности –
Это милые добрые бабочки
Изводили тебя изнутри.

Сколько раз в пароксизме отчаянья
Этих бабочек я ненавидела,
Заставлявших дышать по-весеннему,
Бередивших мои ноябри.

Махаоны и просто капустницы,
И павлиньи глаза сумасшедшие,
И ночные – смешные и странные...
Надоело мне быть крепостной.

Вот они – под стеклом, на иголочках.
Не грусти, не рыдай слишком жалобно –
Ты ещё возродишь милых бабочек.
Но уже не со мной, не со мной...

* * *

Он всегда заступался, ограждал, утешал.
Почему же сломался, обмелел, обветшал?
Сам нарушил уставы всех своих же твердынь.
И рвануться заставил в предрассветную стынь.

Слишком раннее утро, еле брезжит рассвет,
И поверить нетрудно в то, что города нет.
Будто – жалок, непрочен, как бумажный протез.
А сегодняшней ночью абсолютно исчез.
А сегодняшней ночью город стал ни при чём.
И рассыпался в клочья у меня за плечом.

И шальной самозванец, но смелее в разы –
Хлещет дикий багрянец виноградной лозы.
Ни границ, ни законов для неё больше нет.
Вместо стен и балконов – динозавра скелет.

Ни огней светофоров, ни трамвайных шутих...
Город сам стал изгоем в подворотнях своих.

А я жду – он вернётся, защитит. Ведь не зря
Кто-то тихо крадётся за спиной у меня.
И вздыхает негромко...
Оглянулась назад –
Но за мною вдогонку только листья шуршат...

Константин
ВАСИЛЬЧЕНКО

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Темно перед глазами,
И ноет левый бок –
Полуживой волшебник
Отпущен под залог.
В колоде три шестёрки,
В котомке – пустота.
В подвале рыщут крысы
Величиной с кота,
Окрестные деревья
Накрыло вороньё,
Редкоземельный ливень,
Не прекращаясь, льёт.
Фемиду опустили
И продали в притон,
Весь дом перевернули –
Искали самогон.
Сосуд с водой живою
Обрушили на пол,
Коренья разбросали
И разломали стол.
Из книги заклинаний
Повырывали листки,
На палочках волшебных
Шампурят шашлыки.
Повсюду наследили,
Не вытирая ног...
Волшебник престарелый
Отпущен. Под залог...

**ГОРОДСКАЯ
ПАСТОРАЛЬ**

Облака присыпала
Солнечная пыль,
В чаше неба купола –
Полуденный штиль.

Небоскребы маются,
Тыкаясь в зенит,
Ветерок за платице
Осень теревит.

Городская, жаркая
Гаснет пастораль.
Сапогами шаркая,
День уходит. Жаль...

* * *

Достану я из сундучка
Новорождённый стих,
Под колыбельную сверчка
Он в сундучке притих.
Поправив галстук и берет,
Он нарисует мир,
Глазами сотен тысяч лет
Зачитанный до дыр.

А, может быть, расскажет он
Про шёпот тишины,
Про инь и ян, про явь и сон
За пазухой весны...
А за окном – ночной артист,
Потворствуя мечте –
Закружит вальс осенний лист,
И сгинет в пустоте.

НЕ ВЕРЮ

Не верю, что рождаются поэты
С пером, чернильницей и лирою в руке,
Что загодя написаны куплеты
В утробе матери на грифельной доске.

Приправленные рифмами катрены
У прозы жизни варятся в котле,
А после сервировки непременно
Навечно остаются на земле.

Блуждают настоящие поэты
И собирают крохи со стола...
Их души босы, в рубище одеты,
Приходят в мир, чтоб выгореть дотла.

МИКРОЭЛЕГИЯ

Я в микроскоп рассматриваю глобус:
Отслеживаю рейсовый автобус,
Толпу зевак, разбитую машину,
Эвакуатора натруженную спину.
Чуток левее – людная аллея.
Кафе. Пигмалион и Галатея
Дуэтом – резонер и инженерю –
Вытряхивают цены из меню.
Вот – на скамейке пара пожилая;
Хозяин магазина пожирает
Восточным взглядом бледную Лолиту –
В её бедре ни тени целлюлита,
А на носу – очки-велосипед.
Разносчик пиццы оседлал мопед,
И шлем его бликует нетерпением.
"Кондитерская". Сдобное печенье
Расхватывают прямо на лету,
А пекарь – Винни Пух и Винни-ту,
Коктейлем Молотова – два в одном флаконе...
Сползает тень улиткою на склоне,
Под городской – гармошкой – автобус...
Я в микроскоп разглядываю глобус.

КОВЧЕГ

Я уплыву туда, где берег кипит волною –
Ведь Ной построил свой ковчег, и я построю.
Наполнить ветер попрошу его ветрила.
Возьму с собою всё, что мне судьба дарила,
Несносно ждать и уповать – мол, обойдётся,
Когда насупится, и ненависть прольётся,
И обесценит, что по жизни было свято –
И так приходит за утратою утрата.
Пусть вынесет ковчег туда, где зреет лето,
Где просыпается любовь в потоках света,
Где за строкой летит строка, рождая песню,
И обретает плоть малюткой бестелесной.
Вернуться б со щитом в отстроенную Трою...
Ведь Ной построил свой ковчег, и я построю!

* * *

Припозднился посыльный – видать, заплутал с непривычки
Меж дубов вековых и проспавших зарю часовых,
Зацепился вестями о вербы тугие косички,
Загубил по дороге ещё не родившийся стих.

Иль, возможно, его соблазнили в убогой харчевне
Суррогатом любви или кубком дрянного вина,
Захмелел и застрял где-то в богом забытой деревне
У Морфея в объятьях навязчивых крепкого сна.

Разбежались по облачным кочкам строптивные строчки,
А упавшие рифмы хозяйка смела под ковёр.
И снежинками тают в ночи поседевшие точки.
Не сложилась картинка. И в картах, видать, перебор.

ПИШИ, ПОЭТ!

Перо скрипит – магическая шпага...
В ночи теряет девственность бумага,
Чтоб с рифмой иль метафорой грешить.
Нисходят строки чинною толпою,
На лист ложатся, грезя стать строфою,
Ключом незримым к таинствам души.

Ко звуку – звук стремится, к слову – слово,
И на указанное место встать готово
По прихоти божественной Творца,
Чудит, импровизирует, играя,
Бесчисленными гранями сверкая,
И не скрывает своего лица.

Когда судьбу ломает о колено
Суровый век, прогнившее полено,
Миг улучив, стать древом норовит.
Всплывает пена немощи и страха,
Блестит топор, и жаждет крови плаха,
И реквиемом колокол звенит...

Пиши, поэт, свой стих, грани и властвуй
В сердцах читателей изысканностью страстной,
Незрелым словом слуха не гневи,
Не допускай фальшивого кокетства –
Цель не всегда оправдывает средства,
И с совестью по совести живи.

Сергей ДУНЕВ

* * *

Тревожит мир, волнует так –
Уснуть не в состоянии.
И крыша едет, и чердак.
Сплошное наказание!

Таблетку выпил не одну,
Но нету сна ни капельки.
Курю, любуюсь на Луну:
– Привет, друзья-лунатики!

Небось, таращитесь, как я,
В свои оконца круглые:
«Какая классная Земля!
Какие люди глупые!

Гляди, творят чёрт знает что.
Враждуют и воют.
И превращают в решето
Красивую такую.

Неужто впрямь им невдомёк:
Пора уgomониться,
Не то, не дай, конечно, Бог,
Нам всем конец присниться».

* * *

Бери всё то, что жизнь даёт.
Бери всё скопом, без разбора.
Раскаты грома, листьев шорох
И шум дождя день напролёт.

Бери всё то, что жизнь даёт.
Тут привередничать негоже.
Порою миг один дороже,
Чем месяц или даже год.

Бери всё то, что жизнь даёт.
Любая мелочь не напрасна.
В конце пути всё станет ясно,
Да только...
жизнь тогда пройдёт.

Бери всё то, что жизнь даёт!

* * *

Можно, конечно, спрятаться в норку,
Жить-поживать себе втихомолку.
Можно, конечно, забраться поглубже,
Забаррикадировать двери к тому же,
Окна зашторить и ставни закрыть.
Можно – от мира себя оградить.
В тёплом укромном своём закутке
Зыбкое счастье держать в кулаке.
Можно, конечно, да только, скажи,
Будет ли это достойная жизнь?

* * *

Хочется времени крикнуть: – Постой!
Что ты несёшься, летишь оголтело?
Разве не видишь, что мы за тобой
Не поспеваем? На шаг то и дело
Мы переходим, а то и совсем
Валимся с ног – нам с тобой не тягаться.
Да и, признаться, охота не всем
Вслед за тобою куда-то срываться.
З а в т р а пугает, с е г о д н я – ясней
Тем, что оно как-никак наступило.
Лучше не стало – и стало грустней,
Чем в злополучном в ч е р а ещё было.
«Время, постой!» – а не «Время – вперёд!» –
Хочется крикнуть отчаянно, братцы.
З а в т р а – оно, безусловно, придёт,
Только не все его смогут дождаться.

* * *

Возможно ль – с чистого листа,
Когда, как губка, выжат жизнью.
Душевных ран – не залатать,
И разум – против героизма.

Познал достаточно. Увы,
Познания смысл не прояснили.
Бежал тюрьмы, сумы, молвы,
Но сломаны паденьем крылья.

Раздавлен тяжестью креста,
Куда там – с чистого листа...

* * *

Надежды нету в утешенье...

М. Ю. Лермонтов

Не можешь этого не знать:
Надежда – тоже благодать.
Так не лишай меня надежды,
Чтоб было радостно, как прежде.
Чтоб не казалась жизнь напрасной
И в самый горький и ненастный
День не хотелось умирать.
Даруй надежды благодать.

* * *

Приходим в сей мир – добрать, приумножить,
Чтоб больше в конце воздать небесам.
Господь не забыл нас, Он просто, должно быть,
Желает, чтоб каждый свой путь прошёл сам.

* * *

Как страус – головой в песок,
так я в тетрадь свою ныряю.
Кру-

ты-

ми

ле-

сен-

ка-

ми

строк

от бытовухи убегаю.

КАПЛЯ

Всё длилось миг,
Один короткий миг,
И в этом нету вымысла ни капли,
Но в этот миг – весь необъятный мир
В себя вобрала маленькая капля.

Она его торжественно несла,
Наделена зеркальной чистотою,
Потом с листочка нехотя стекла
И стала вновь обычной водою.

К ЖИЗНИ

Называют тебя непомерно тяжёлой?
Ну а ты оправдайся, мотивчик весёлый
Насвиисти, вторя певчей пичуге лесной, –
Нам тогда будет легче поладить с тобой.

* * *

Иду. Мосточек узкий –
В две досочки всего.
Перил нет, нет мотузки –
Нет, в общем, ничего.

Два берега. Я – между.
Вниз глянешь – просто жуть!
На Бога лишь надежда
Да на судьбу чуть-чуть.

Коль доски заходили,
Шаг придержи, постой.
Там счастье, говорили, –
На стороне на той.

Совсем немного, право,
Осталось. Удержись!
Ведь эта переправа –
Твоя, голубчик, жизнь.

* * *

В душе, теснимой пустотой,
Нет места для любви и веры.
Защитной нету атмосферы –
В душе, теснимой пустотой,
Химеры станут на постой
И будет бед тогда без меры.
В душе, теснимой пустотой,
Нет места для любви и веры.

Ирина ЕВСА

К чаю ценному “Earl Grey”
хлеба нет ни корки.
Но есть родители в Ukrain
и дитя в Нью-Йорке;

во дворе сарай складской
да обувная будка.
И любимый есть – такой,
что и нет как будто.

Беглым прочерком – альков.
Над ним стеллаж сиротский,
где Кенжеев и Цветков
и неполный Бродский.

* * *

Нет ни пули у виска,
ни столоверчения.
Но есть три пива и тоска
горячего копчения.

Лавр не брезжит над челом,
но, по крайней мере,
есть два моцарта за столом
и один сальери.

Чтоб не вымереть как вид
в месте проживания,
можно – в Рим или в Мадрид.
Но истекли желания.

Жестяные берега.
Берестяные святцы.
Прямо скажем – до фига,
чтобы состояться.

* * *

Юность одержима, как мятеж.
Всё в пандан: бандана, балаклава.
Всё зачтётся, чем себя ни тешь:
свергнутый родительный падеж,
смертью перекормленная слава,
бытие, обёрнутое в трэш.

Пуля-дура. Комп с разбитым ртом.
Врассыпную – треть клавиатуры.
Шрам зарубцевался на плече.
Под штормовкой – маечка с принтом
Че Гевары или Че Петлюры –
не имеет, собственно, значе...

– Что трясешься? Хватит – о тепле.
Я вчера – пошарь, короче, в сумке –
стырил в супермаркете коньяк.
Мяч – у нас. Оле-оле-оле!
Если окружили эти суки,
есть, чем отстреляться, на крайняк.

Нам придётся встать спиной к спине.
С тылом в этот раз не подфартило.
Грёбанный не сбился Голливуд.
Ты чего, чувак, повис на мне?
Как всегда, патронов не хватило.
Хоть сказал бы, как тебя зовут.

ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ

Плыть и плыть, чтоб с горы не сбросили для примера
всем, замыслившим оторваться, взмахнуть веслом.
Плыть, поскольку Агенор – справа, а слева – Гера,
и куда бы ни повернули – везде облом.

Бог и смертная, обреченные год за годом
дрейфовать, раздувая брызг соляную взвесь.
Два любовника, нарезающие по водам
круг за кругом. Твердыня – там, но свобода – здесь.

В серых сумерках ненадолго смыкая вежды,
твёрдо зная, что там опаснее, где ясней,
плыть и плыть, огибая все острова надежды,
только плыть, а иначе что ему делать с ней?

Он давно бы развоплотился, упал на сушу,
чтоб в предчувствии неопасных семейных гроз,
разомлев от жары, блаженно вкушая грушу
или яблоко, наблюдать за игрой стрекоз.

Но она, все суда погони сбивая с толку,
забывая, что губы треснули и – в крови,
обхватила его ногами. Вцепилась в холку
мёртвой хваткой и повторяет: “Плыви, плыви!”

* * *

Ночь стёрла бальзамин и виноград,
как будто их и не было в природе.
И чёрный двор – почти уже квадрат
Малевича иль что-то в этом роде.

А в нём завис, пуская пузыри
во глубине волнисто-потаённой,
дом, словно рыба с кем-нибудь внутри:
С живым Ионой и женой евонной.

...Открыв окно, он курит, едкий дым
в целебный воздух юга выпуская.
И красный Марс колеблется над ним,
поёживаясь, как звезда морская.

Ионику знобит. Но вместе с тем,
от жарких дум влажна её подушка,
поскольку в нём, как фосфор в темноте,
просвечивает тайная подружка.

И хочется сказать ему: "Насквозь
я вижу вас!" Но, смахивая что-то,
она бурчит привычное: "Набрось
на плечи куртку и запри ворота".

И это бормотание – как чек,
что выписан пожизненно обоим.
Уже непотопляем их ковчег
с бесчисленным количеством пробоин,

с жуком, бесцельно бьющимся в стекло,
с наплывами из Ветхого Завета...
Он не уйдёт, поскольку с ней тепло
и, как сказал поэт, не надо света.

* * *

Не хнычь, хлебай свой суп. Висит на волоске
зима. Чумазный март скатился по перилам
и мускулы напряг в решительном броске,
опасном, как тоска японцев по Курилам.
И капает с ветвей небесный корвалол,
в хозяйских погребах подтоплены соленья.
Но утро верещит парламентом ворон,
которому плевать на беды населенья.
Многоэтажный монстр из-под набрякших век
взирает, сон стряхнув, но выпавшись едва ли,
вмещающая больше душ, чем полагает ЖЭК:
на чердаке – бомжей, крысиный полк – в подвале.
А тут ещё и ты, наркокурьер хандры,
роняющий слезу в рассольник раскалённый.
...Что, ежели на свет – всяк из своей дыры –
мы выползти решим расхлябанной колонной,
растя, как на дрожжах, терзая гулом слух,
насытившись брехнёй верховного паяца, –
поскольку (как сказал один мятежный дух)
живущему в аду чего ещё бояться?

**НЕЗВОРОТНС...
НЕПОВТОРНЕ...**

Тремтять за обрієм пісні –
І щемні, й безтурботні...
Які ж то дні стоять ясні –
Ясні та незворотні!

А ніч цикадами бринить,
Мов чарівна валторна,
І в ній духмяна кожна мить –
Духмяна й неповторна...

Забувши буднів метушню
В краю благословеннім,
Я мить, як Фауст, зупиню
І задихнусь натхненням.

Михайло ЛЕЦКІН

* * *

Десь бринить вже
заклучний акорд...
Ну, а я ще не зміг розгадати
Ці сюжети, сплетіння і дати –
Цей життя
незбагнений кросворд.

Те, що буде, прийму наче приз.
Те, що є, заставля сумувати
І нагадує часом про дати,
Між якими тире чи дефіс.

Не мені, мабуть, пасинку муз
І хиткому адепту науки,
Долю брати собі на поруки
Й лобом бити втаємничений мур.

На рахунок шикуються дні...
Але все ж я при кожній годині
Хочу вірить: бузкове коріння
Трохи рано ще нюхать мені.

* * *

Замри і заховайся у блакить,
Хвалу воздай Всевишньому глибоку,
І хай у мрійнім Всесвіті тремтить
Ця загадковість, як японське хоку...

ПРОГРЕС

Все в Україні тепер вже не так, як колись...
Поступ модерний прийшов і заповнює нішу.
«Як тут з кальмаром?» – «Будь ласка!».
– «Банани?» – «Та хоч завались». –
«А помідори?» – «Ну, з ними, щоправда, складніше».

«Ківі?» – «Це запросто». – «Ну, а кокоси?» – «Та ось». –
«Як з ананасами?» – «Місяць валяються, кляті». –
«А огірки?» – «З огірками щось, мабуть, стряслось:
Є, але дуже криві. Та ще й дорогуваті»...

Мабуть, у цьому і є український прогрес?
Мабуть, ми прудко в Європу рвемось крізь завали?
Щось тут із клепами (мо', ще впливає ЧАЕС?),
Щось з гетьманатом (то, може, не той обирали?).

Нумо, козацтво, спинімось хоча би на мить.
Нумо згадаймо: чи так наші предки чинили?
Нащо ж мінятись так хутко – аж вітер свистить –
І вже порватися ладні і душі, і жили?

* * *

Вслухаюся до шурхоту троянд,
Та ніц не можу в ньому зрозуміти.
«Ну ти й дивак, – сміються з мене квіти. –
А ще доцент і ледь не докторант...».

Звичайно, мають рацію вони.
Я, мабуть, вчився не того, що варто.
...Кущі стоять, немов почесна варта
Квітучої та вічної весни.

* * *

Безсилий дощ на простір пада
Й калюжним бризкотом стає.
Сховала сонячна лампада
Проміння радісне своє.

Та це дарма: одвічний досвід
Підказує в цю сонну мить,
Що все, що існувало досі,
Поверне й знову заблищить...

* * *

Ніч – і зробились тривожними шурхоти клена.
Та не злякати цикад пишним тремтінням гілля.
Хата із білої стала мов синьо-зелена,
Ніби якийсь чарівник барв їй додав звіддаля.

Небо густе – мов театр для зіркових містерій.
А у відкриті віконця сни задува вітерець.
Ніч, як царівна, розкинула чорні кучері,
Щоб їх розчісував місяць, немов золотий гребінець.

* * *

Це, мабуть, було не зі мною
(Чи, може, зі мною? Колись...).
Ти, мабуть, була не земною,
Бо ніби тяглася увись.

Ти, мабуть, була не земною
(Чи, може, земною? Хто зна...),
Бо пахло від тебе весною,
Хоча ще була не весна.

Ти танула в сні моїм ніби
(Чи, може, не танула ти?).
Плелись над чолом твоїм німби
Священної самоти.

Це, мабуть... Чи, може... І ніби...
То що ж це насправді було?
...Пішла ти. А ми ще могли би
П'янке скуштувати зело...

СИМБІОЗ

Ганяє вітер силоміць
Хмарин зажуру понад садом.
А я годую вже синиць
Добротним українським салом.

Вони навзаєм до фрамуг
Летять за живленням безмитним
Й мене вітають (я ж їм друг!)
Опèренням жовто-блакитним.

От так ми з ними й живемо
Патріотичним симбіозом
І майже впевнено йдемо
Назустріч снігові й морозам.

* * *

Я п'ю небесну голубінь
І не нап'юсь ніколи.
З яких глобальних надглибин
Взялись ці видноколи?
Я серед Всесвіту стою –
Володар і піщинка,
Й дари Господні п'ю і п'ю –
Бездумно, мудро, дзвінко...

* * *

Скажи мені, любко: а де б ти
(Чи відповідь ти не даси?)
Знайшла ще такого адепта
Твоєї п'янкої краси?
Скажи мені, казко: чи рівність
Існує на світі, чи ні,
Коли твоя дивна чарівність
Життя перекрила мені?

* * *

У переддень Святої Пасхи,
Коли небес відкрилась вись,
Господь судив тобі упасти
І у захмар'я вознестись.
Прощай... Прости мені, Валюшо...
Більш аніж шість десятиліть
Мені незмінно гріла душу
Твого погляду блакить.
Ні, не забудеться усе це –
Бо я забутися не дам.
І лиш одне ще гріє душу,
Що ми зустрінемося т а м.

ПІВРОКУ

Не жалею, не зову, не плачу...

Сергей Есенин

Перше літо проповзло без тебе.
Ось і перша осінь самоти.
Жовте листя

ліжко жовтню

стеле,

Як колись мені стелила ти.

Не жалкую, плачем не стікаю
І не кличу: що тепер це дасть?
...Тільки голос твій вночі гукає:
«Мішенько... Михайлику... Міхась...».

Час пливе, не кваплячись нікуди,
І не уповільнює ходи.
А мене не полишає чудо
Зціпленості пальців... назавжди...

* * *

Що мить?
Вона пролітає щомить.
Не встигає за нею серце –
Й через усе це
Щемить,
щемить,
щемить...

Лариса
ЛУКАШЕВСКАЯ

**РОЖДЕНИЕ
МУЗЫКИ**

Кто мне назначил этот срок,
Кто спас и для чего? –
Ко мне во сне явился Бог,
Вот так, из ничего.

Он был в сиянии своём,
Минуты шли – тик-так,
И мы молчали с ним вдвоём:
Он – царь, а я – бедняк.

И было всё тому под стать:
И клён, и птичий клик...
И мне вдруг захотелось стать
Добрее, хоть на миг.

– Жаль, нет гнезда у воробья, –
Клён веткой покачал...
А мы молчали – царь и я,
Но он добрей молчал.

Пусть это было лишь во сне –
Светло мне от того,
Что стало музыкой во мне
Молчание Его.

И мне теперь держать ответ –
Во сне и наяву –
За эту музыку и свет,
Которыми живу.

САРАФАН

Я себе купила сарафан,
На картинку детскую похожий.
По душе расцветка и фасон,
И цена мне по карману тоже.

Прежде всё – дела, дела, дела,
Времена нам выпали лихие.
Я себе добыла два крыла,
Стали звёзды мне родной стихией.

Облетали радуги с небес,
Крылья так манили – выше, выше...
Но швырнул меня о землю бес,
Ухмыляясь, что удачно вышло.

И теперь я не скрываю ран,
И крылами бить уже устала.
Но надела этот сарафан –
И как будто снова полетала.

Полетала, села на диван,
Вспоминая прожитые годы.
По душе мне этот сарафан!
А душа вне времени и моды.

Скажете, какая ерунда –
Сарафан купила разноцветный? –
Я мечтала с детства о таком,
Он нашёлся. Словно клад заветный.

ВАЛЬС ВРЕМЕНИ

Тихо ветер играет на дудке
И давно уже спит контрабас,
Мчится полупустая маршрутка,
Время есть у неё про запас...

Нам в наследство эпоха осталась,
Все мы кровные братья, родня,
Мне оттуда такое досталось –
Это глубже, сильнее меня...

Умолкают и дудка, и ветер,
И маршрут норовит в облака,
Где живущим ушедшие светят
Сквозь иные миры, сквозь века...

Там, вдали, чей-то зов застывает,
А потом тишина – и ни зги,
Как отметка времён нулевая,
Где не начаты жизни круги.

Этот мир – как открытая сцена,
Есть кулисы, галёрка, партер...
Слово, жест, тишина – всё бесценно,
Здесь творили Толстой и Вольтер...

Постановка идёт без антракта,
Остальное свершается в нас.
Этот вальс начинался затактом,
Два-три-раз-два-три-раз-два-три-раз...

ОДА БЕТХОВЕНУ

Под музыку Бетховена
Поплачем все, как есть –
Минора сбить оскомину,
А заодно и спесь.

А после включим Моцарта
Под слабый треск свечи,
И намолчимся досыта...
Как редко мы молчим!

Покружимся под Штрауса,
Под Шуберта споём,
От мук души, от хаоса
К гармонии придём.

Слеза не портит крови нам,
Но в ней своя страда.
Под музыку Бетховена
Поплачем, господа...

ВЫСЕКАЯ РАДОСТЬ

Дотянись до россыпей жемчужин,
Что блещут в пыли преодолений,
И до мыслей бесконечно чуждых...
И до песен разных поколений...
Высекая радость неустанно,
Пусть порой болезненно и тщетно,
Дотянись душою сквозь туманы
До вопросов главных – не ответов.
Дотянись в самом себе сквозь стены –
До любви... и передай всю власть ей.
Чтобы состояться непременно
В лучшей из возможных ипостасей.

ДОБРОЕ УТРО

Благодарю за небо в облаках,
За тёплый дом и чистую постель,
За все мозоли на моих руках,
За то, что я – душою менестрель.

За всё прошедшее благодарю,
Благодарю за то, что есть сейчас,
За то, что я дышу и говорю,
За этот миг, за каждый день и час.

За светлый образ, что ношу внутри,
За то, что я, стяжая дух, творю.
За то, что нас из праха сотворил –
За всё, за всё Тебя благодарю.

ВЕСОМОСТЬ

Погасла бледная звезда,
Вновь шаркает метлою дворник,
Ещё вчера была среда,
И снова понедельник, вторник...

Но есть мгновения, часы –
Как те, что память не сокрыла.
Положишь каждый на весы –
Весомей многих лет бескрылых.

Признаться, в них такое есть
Прикосновение, участие,
Что на горбу тяжёлый крест –
Не крест, а два крыла на счастье.

Анна ЛУЧЕЗАРОВА

* * *

Снимая с молчания пробу,
но выбрав звенящую медь,
я вновь разбираю подробно
всё то, что случилось иметь.

Имелось – ни много ни мало –
песочница, школа, роддом;
и строилась жизнь, и ломалась,
и беды ходили гуртом.

Мне, вышедшей из девяностых,
привычен подобный расклад.
Ни Сирина, ни Алконоста
в строке повседневных баллад.

Есть пара мгновений блаженства,
есть сор из избы, дёготь, мёд.
А в сумме –
как в сумочке женской...
Но кто-нибудь всё же поймёт.

Фантомы на свет извлекая,
придам я им форму и смысл.
Вдруг кто-то сочтёт уникальной
не очень-то свежую мысль,

отнюдь не новейшую тему,
подсмотренный в щёлку сюжет,
как не подчинённая телу
ходила душа неглиже.

И так, приживаясь построчно,
у автора на поводу
она существует бессечно
в моём стихотворном бреду,

в котором нет образа века –
лишь пыль жития-бытия.
И всё же – судьба человека.
Негромкая правда моя.

* * *

Как сердце сладостно щемит!
Не от предчувствий мимолётных,
не от моментов поворотных –
а от смещения орбит.
Твоя планета, мир и дом –
они всё те же, но иные –
загадочные, внеземные...
Дом, мир, планета – три в одном.

И где-то на планете ты –
во время этого смещения,
за тонкой гранью воплощения
в реальность трепетной мечты –
беспечным облачком паришь.
Живёшь и дышишь каждым мигом,
листая жизнь свою как книгу,
и сам себя животворишь.

* * *

Какая лёгкость мной обретена
взамен молчанья, вырванного с корнем,
как зуб больной. Ещё кровит десна,
но речь пришла на смену кома в горле.

Пусть нужные не найдены слова,
мысль не точна, расшатаны основы,
но кружится хмельная голова
в предчувствии целительного слова.

* * *

Не обмануть... Не обмануться...
Как знать, что может быть страшной.
С чужой душой соприкоснуться,
созвучие услышав в ней.
Не повредить... Не повредиться...
Есть слово верное – щадить.
Крылом к крылу, подобно птицам,
такую близость ощутить.
Судьбы насмешка – быть крылатым,
не отрываясь от земли.
Лишь строчки пухом беловатым
свою свободу обрели...

* * *

Так и хожу – босая, простоволосая,
нет ни платка, ни юбки, ни добродетели...
Господи, ведь душа у меня не взрослая, –
ангел и бес заплечный тому свидетели.

Ангел – со мной, как нянька – блюдёт и пестует.
Бес же в шкатулке носит соблазны разные.
Сердце моё канонам не соответствует.
Глупое сердце, верю ему напрасно я.

Вот ведь какая. Дурочка с переулочка.
Из-под опеки рвусь, точно чёрт от ладана.
Плача, тянусь – соблазнов полна шкатулочка.
Ангел вздыхает: "Кается – ну и ладно..."

* * *

*И этот день пройдёт,
Как многие другие...*

Сергей Дунев

Звезда ли упадёт,
душа ль, устав, заплачет...
А новый день придёт
и всё переиначит.
И станет свет белей,
чем волосы седые.
На небе ль, на земле –
душой мы молодые.

* * *

Рефлексия приелась до оскомы.
Сосредоточусь на простых вещах,
сама себе знакомец незнакомый,
философ, доморощенный на щах.
Вот соль, без коей жизнь пресна, безвкусна,
а с пересолом – солона, горька.
Жизнь тоже нужно приправлять искусно,
к разнообразным вкусам привыкать.
Не всё же губы в мёд макать, смакуя,
как карамельку, сладость бытия.
Порой лепёшки пресные пеку я,
и не боюсь несладкого питья.
Бывает, всё горчит до отвращения.
Но, зубы сжав, перецежу и то.
Куда страшней потеря ощущений
и шамканье пустым, беззубым ртом.
Сухарик будней размочу водицей
живого слова, вверенного мне.
Ничто не лишне, всё мне пригодится.
Я говорю – и счастлива вполне.

* * *

Странное чувство. Душа моя – сад.
Осень, но летние в нём чудеса.
Шорохи, вздохи, гуденье шмеля.
Кажется, райская это земля.
Пусть я не Ева, да и не Лилит,
сердце Адама я слышу вдали.
Слышу, и бьётся моё в унисон,
не размышляя: то явь или сон.
Чувствуя сходство с изъятым ребром,
мысленно глажу волос серебро,
и повторяю я, как во хмелю,
сладкое, горькое слово "люблю".
Где бы ты ни был, мой мальчик седой,
стану ль тебе я живою водой.
Веришь, не веришь мне, всё же лови
райское яблочко поздней любви.

* * *

Милый мой, что я могу тебе дать?
Мир твой – продрогший, дождями исколотый.
Жалко, что я не умею вязать, –
Ниточки строк не спасают от холода.
Свитер связала бы, да не могу,
Я берегиня, увы, неумелая.
Только словами тебя берегу,
только признаньями – жаркими, смелыми.
Как же во всём этом мало тепла,
чтобы спасти от реального холода.
Поцеловала тебя, обняла,
не утоляя ни жажды, ни голода...
В слове себя выражает душа
всё откровенней и неосторожнее.
Мне бы на руки твои подышать:
ласка – не слово, согрела б надёжнее.

* * *

Создатель наш, посеявший нас здесь,
плевел не отделяющий от зерён,
над нами в круглосуточном дозоре –
блюститель душ, держащий нас в узде.

Нехоженные тропы, тёмный лес,
где ходит время – ласковый убийца,
где жить спешим (ну как не ошибиться?),
спешим, ведь всяк тут временный жилец.

От колыбели к смертному одру
бредём, слепые выросшие дети.
Плоды добра и зла едим, в ответе
за всё, что не относится к добру.

С заветного сбиваемся пути,
отравленные яблоком эдемским.
Наш Бог рождён под небом Вифлеемским.
Ему ли не пытаться нас спасти...

* * *

Ничего не хочу, кроме света – чтоб слепли глаза.
Я узнаю во всём – в маяке и зажжённой лучине –
путеводной звезды ослепительный яркий квазар,
чудотворный огонь в неопознанном ангельском чине.
Разрушающий, но избавляющий нас от всего
инородного, чуждого, ложного и наносного.
Не боюсь перемен. Оказавшись во власти его,
постигаю азы преходящего счастья земного.
Много нужно ли алчущей мне? Был бы хлеб и вода...
Только света хочу, только света... Мой компас и карта –
маячок-светлячок – путеводная эта звезда.
Мотыльковое счастье, пусть маленького, но Икара.

* * *

...Я, словно вечный пилигрим,
Идущий по миру с клюкою,
Печальным ангелом храним,
Путь измеряю свой строкою...
...И мне мелькают города,
Чужие имена и годы,
И распростёртою видна
Даль под пятою непогоды...
...Я, словно вечный пилигрим,
С надеждой вглядываюсь в лица
И, ветром времени гоним,
Прошу у вас воды напиться...
...И принимаю, поклоняясь,
Хулу и хлеба подношение,
И над строкой своей молясь,
Твержу, твержу о всепрощенье...
...Я, словно вечный пилигрим,
Дорогу словом пролагаю,
Пусть одинок, пусть нелюбим,
Пусть в рубище душа нагая...
...И, собирая жемчуга
Случайных слов случайной встречи,
В песках иду или в снегах,
Так часто вами незамечен...
...Я, словно вечный пилигрим,
Свою строку держу, как посох...

Желаний прошлых теорема,
Мечтаний пришлых суета.
И недосказанности бремя,
И умолчаний маета...
А белый лист, как переправа,
Там чёрный шрифт,
 как путь по ней,
И белый ангел снова справа,
А чёрный слева всё смелей...
И за спиною бой годами,
А впереди – всё тот же бой,
Но надо мною, и над вами
Сомнений призрачный покой...

КОПЕЕЧКА

Мне копеечка – подаянием,
Хоть и медная, да в горсти.
Слово выберу – покаянием,
Пусть и в немочи, да нести...

Скоро сказано, долго прошено,
Быстро брошено – подниму.
Коли слово мне – так порошами,
Если денежка – то в суму...

В темь да стынь опять мне тесьма дорог,
Чуть заря, пойду, помолясь.
За порогом – ночь, а за днём – порог,
Может, к вам иду иль от вас...

Мне копеечка – не на паперти,
Не для почести слово мне...

* * *

...И белым по белому... Прямо из облака
Чернил белоснежных себе наберу
И пёрышком маленьким выпишу тоненько:
«Я буду всегда, я совсем не умру...»

...А вы прочитаете, если сумеете,
Там вовсе немного, всего лишь строка.
Листок на ладони случайно согреете,
И словно ко мне прикоснётся рука...

...Там белым по белому, прямо из облака
Стихов незаконченных несколько слов...

* * *

...Моей душе, как никогда, созвучна
Пришедшей осени щемящая печаль,
Когда из паутинок ветер вяжет шаль
И укрывает деревья... И кучно
Пасутся в небе облака, дождём сочась,
А вечера, в закатный пурпур облачась,
О лете рассуждают к ночи скучно...

...И мне сейчас, как никогда, знакома
Осенних окон занавешенная грусть,
И старый, чуть дрожащий, облетевший куст,
И тополей рассеянная дрёма,
И голоса тревожно ждущих зиму птиц,
И мятость поутру спешащих, сонных лиц,
И лай дворняги радостный у дома...

* * *

Так холодно... И в ожидании стихов
Замёрзли ночью руки над бумагой...
И, может, самый малый из моих грехов
Вот-вот придёт, появится бродягой
Из осени – такой далёкой и чужой,
И счёт предъявит нынче мне за слово.
А за душою – голо, пусто за душой,
Прикрытой рваной ветошью холщовой...
И никуда не скрыться от него... В ночи
Уже не убежать за Беловодье...
Я слышу, под окном вороною кричит:
«Плати, плати, покуда жив... Сегодня!»
Так холодно... И в ожидании стихов
Свои счета к оплате собираю...

* * *

...Я с судьбой не играю,
Просто верю и жду,
Далеко мне до рая,
Будет скучно в аду...

Мне не платят за слово,
Как умею – пишу,
Только снова и снова
Хрипло утром дышу...

И глотаю, как воздух,
Горький дым сигарет,
Я без жалости роздан,
Ночь сменив на рассвет...

Я без жадности выпит
Каждым днём, каждым сном,
Но небесную кипень
Не предам всё равно...

И свой тополь у дома
Обниму, не таясь,
Он ветрами изломан,
Ждёт меня, чуть склонясь...

И, быть может, тогда мы
Заскрипим, пропоём...
И, сроднившись годами,
Вместе в небо уйдём...

...Я с судьбой не играю,
Просто верю и жду,
Далеко мне до рая,
Будет скучно в аду...

* * *

...И всё же – радости! В дождях,
В слезливом от обиды небе,
В разбросанных по жизни днях
И даже в чёрствой корке хлеба...

В привычном «верю» – до беды,
В обычном – «Господи, помилуй»,
И в кружке ледяной воды,
И в комнате, разлукой стылой...

В садах осенних, в небесах,
Зовущих журавлиным криком,
В младенце на твоих руках,
И Спасе с почерневшим ликом...

В рукопожатии друзей,
И недругов плевках гневливых,
В весенней утренней грозе,
И в листопадах суетливых...

В твоих глазах, что навсегда,
В руках, с морщинами до срока,
В гудящих болью проводах
И вёрге над речным потоком...

В непредсказуемости слов,
И предначертанности судеб,
И в святости колоколов,
И в искренности вечных судей...

...И всё же – радости! В дождях,
В слезливом от обиды небе,
В разбросанных по жизни днях
И даже в чёрствой корке хлеба...

Виктор
МОСТОВОЙ

* * *

Мы стали невозможными,
Мы слишком злыми стали –
Ограждены таможнями
И сжаты блокпостами.

Стоим среди мглистой роздыми
С холодными глазами –
Загружены погостами
И сдавлены крестами...

* * *

Что меня ждёт – я не ведаю –
Там, за небесной чертой.
Дух ощущаю святой
И по ночам с ним беседую.

Грешною тенью бреду
И спотыкаюсь я сослепу.
Внёс ли я в мир доброту,
Сердца кристальные россыпи?

* * *

Ах, голова моя седая!
Волнистый чуб на лоб спадал.
Я столько боли испытал,
Стихами душу истязая.

И если в творческом пылу
Я задохнусь по воле Божьей,
Упасть бы, где цветов побольше,
У белых яблонь на балу.

СТАРЫЙ ДОМ

1

В доме том запустелом
Только ночь и сверчки.
Паутина блестела
От огарка свечи.

В доме время пылилось
От зашторенных дней,
Половицы скрипели
От усталых ступней.

Шевелил занавески
Ветер прожитых лет,
И в свечи тусклом блеске
Прежней радости нет.

2

В дебрях сплетённых растений
Там, где заброшенный сад, –
Дом вековой. Его стены
Дикий оплёл виноград.

Окна за листьями скрыты,
Крыша облеплена мхом,
Зарослей грозная свита
Дом обступила кругом.

Пёс, беспокойно залаяв,
Выскочил, радостный весь,
Думал увидеть хозяев,
Но не живут они здесь.

* * *

Я ещё желаний полон,
Меры в чувствах я не знаю:
Вот иду сердечным полем
И цветы любви срываю.

Много в памяти хранится
Тёплых встреч, любви во взорах...
Ещё есть в пороховницах
Быстро вспыхивающий порох!

* * *

Ты – солнечный свет! Я – ослеп...
Родная, цари на престоле.
Не зря убегаю я в степь
От счастья рыдать на просторе;

Цветами дышать, как тобой;
Чудачить, обняв разноцветье.
О жаворонок, запой –
Пусть песню подарит ей ветер!

* * *

Брожу по тропке, мчусь по трассе,
Гуляю лесом иль проспектом –
Мой мир мелодий и фантазий
Среди закатов и рассветов.

А ночью лунный свет в экстазе
Изводит душу, бьётся в танце.
Мой мир мелодий и фантазий,
Подольше ты со мной останься!

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

В тех полях, где запах донника
И ромашковый наряд,
Вижу путника-бездомника
И его тревожный взгляд.

Он идёт, душа волнуется,
Беспокойно дышит грудь.
То гроза вовсю беснуется,
То заря согреет путь.

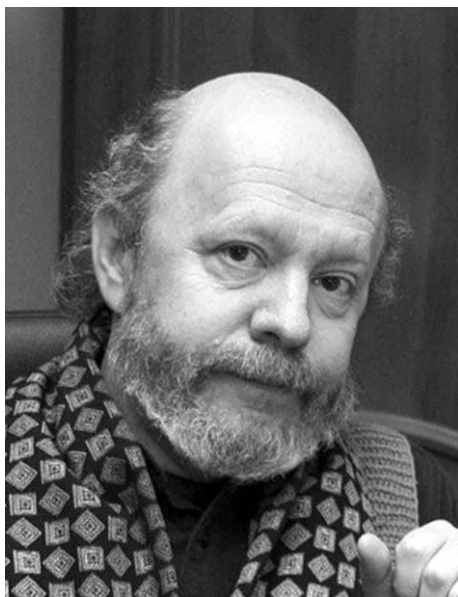
Он, любивший жизнь просторную
Вдалеке от шумных трасс,
Так Москву первопрестольную
Своей лирою потряс!

И ушёл, куда – неведомо.
Птицы вслед ему летят,
И цветы, цветы так преданно
В его сторону глядят.

* * *

Я люблю.
Давно со мною не было
Этого безумия. Люблю!
А снежинок суета нелепая
Бередила душу декабрю.

Я люблю.
А жгучий ветер с рвением
Взвихрил хлопья, как волос копну.
Странно, что в людском столпотворении
Вижу только женщину одну.

Валентин НЕРВИН

* * *

Эта Родина проще простого,
эта правда, как небо, стара.
У кривого столба верстового,
наконец, оглянуться пора.
Сколько всякого было-случалось
и случается в ней до сих пор! –
и земля под ногами качалась,
и стреляли друг друга в упор.
Но, какого-то лешего ради,
представляется мне, например,
будто жили по вере и правде,
будто слушали музыку сфер.
У кривого столба верстового
подымается дым без огня.
Эта Родина проще простого,
эта вера от пули меня...

* * *

...утекаем, как вода
из невидимой горсти.
Уплывая в никуда,
убывая во плоти,
на потребу выбирай,
ибо нет пути назад:
правый берег – это рай,
левый берег – это ад.
В компетенции богов
только нечет или чёт.
Меж кисельных берегов
даже время не течёт.

* * *

Хрустнул пальцами и пошёл –
и трава ему не расти!
До чего же, блин, хорошо:
хрустнуть пальцами и уйти.
И – на память! – последний штрих –
фраза, брошенная в дверях:
оставайтесь, мол, при своих
интересах и козырях.
...Эка невидаль! – до поры,
что написана на роду,
выйти-выскочить из игры,
как из поезда на ходу...

РОМАНС

Повторяя слова покаянные,
заповедную боль растрави –
пой, гитара моя окаянная,
говори о недолгой любви.

Отчего, не пойму, вспоминается
на поверку сильней и больней,
и душа семиструнная мается –
ничего не поделаешь с ней.

Пой, гитара моя, разговаривай,
поминальный огонь разводи.
Разгорайся душа, разгитаривай
жизнь, которая вся позади.

* * *

То ли юность мою, то ли старость
разнесли по России ветра.
Кувыркаться по жизни осталось
на день меньше, чем было вчера.

Никогда никому не пеняя
на чудную планиду свою,
на окраине русского рая
с алкашами в обнимку стою.

Что за тень по земле распласталась
напоследок, сама посуди:
то ли юность моя, то ли старость,
то ли целая жизнь позади...

* * *

Живу по щучьему веленью,
немного задом наперёд;
планида, по определенью,
сама себя не разберёт.
Не заморачиваюсь, ибо
не уповаю на судьбу.
— Скажи, мистическая рыба,
когда я вылечу в трубу?
Но щука трудится по найму,
на откровенья не вольна —
дипломатическую тайну
обязана хранить она.

ОТРЫВОК

...Прикольных дней и юношеских лет
уже и след пропал за поворотом —
я поумнел на десять тысяч бед.
Но лучше быть последним обормотом,
последним лохом в собственном соку,
чем комендантом личного барака,
ловящим на оставшемся веку
лихие отголоски Пастернака.

Давным-давно, в реальности иной,
существовала мнимая свобода
и женщина, придуманная мной,
была неприхотлива, как природа.
Она спала и видела во сне
забытое легко и торопливо:
старение на медленном огне
и молодость зеркального разлива...

* * *

На площади возле вокзала,
где мается пришлый народ,
блажная цыганка гадала
кому-то судьбу наперёд.
И было, в конечном итоге,
понятно, зачем и куда
по Юго-Восточной дороге
ночные бегут поезда.
Когда, на каком полустанке
из полузабытого сна,
гадание этой цыганки
аукнется, чтобы сполна
довериться и достучаться,
и чтобы — в означенный час —
по линии жизни домчаться
до линии сердца, как раз!

* * *

Кладбище. Чугунная ограда
на могиле божьего раба.
Облака расплывчаты, как правда,
и необратимы, как судьба.

На задворках памяти короткой
люди обустроивали рай.
Тишина, разбавленная водкой,
безотчётно льётся через край.

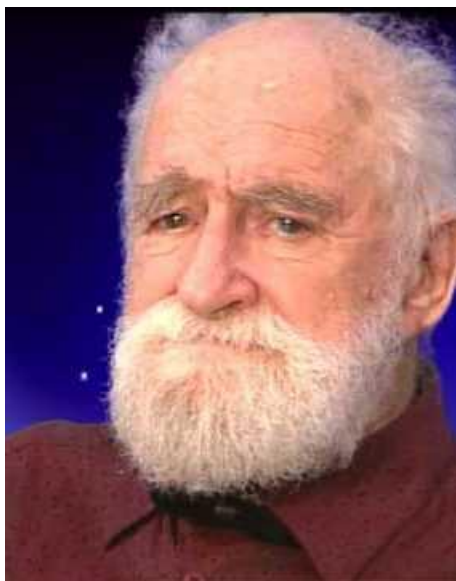
На периферии христианства
два тысячелетия подряд
узники трёхмерного пространства
молча за оградой парят.

Я вовсе не пророк
и даже не философ –
на лаврах почивал,
на нарах ночевал –
по смутным временам
доносов и допросов
в сообществе своих
сограждан кочевал.
Я часть моей страны –
загульной и былинной –
и часть её любви,
не знающей границ.
Наверное, умру –
и в Книге Голубиной
добавится одна
из множества страниц.

Илья РЕЙДЕРМАН

* * *

Долог путь
от зверя к человеку.
Путь обратно –
уместится в миг!
Древнему
мы благодарны греку.
Тысячи
мы прочитали книг.
Устремлялись мы
в такие дали
и в себе одолевали зло,
для того
любили и страдали,
чтоб лицо
из морды проросло.
Головы мы
поднимали к небу,
с четверенек
приходилось встать,
и, чтобы не выглядеть
нелепо,
человечью
обретали стать.
Умирая,
постигали вечность,
приоткрыв
в неведомое дверь.
Как же тяжела ты,
человечность!
...Миг один –
перед тобою зверь!

ПОСЛЕДНЕМУ ПОЭТУ

Как много пишущих стихи!
– А что, ещё поэты живы?
– Но голоса их так тихи,
слова их так несуетливы...
Зарывшись в бытие, как крот,
из глубины, из тьмы кромешной
он говорит...
– А кто поймёт
забытый смысл и звук нездешний?
В мир, что разглажен уюгом,
в котором ничего не спрячешь,
вдруг входят тайна и объём.
...И не поймёшь, о чём –
но плачешь.

* * *

Я в птицу жажду перевоплотиться,
в обычного хотя бы воробья.
Чирикает, летает, веселится,
всё в мире принимая и любя.
Он не тоскует, он всегда ликует.
Какой он лёгкий – плоти нет почти!
Он радости у бытия ворует.
Лети же мой воробышек, лети!
Крылом взбивая воздух (как подушку
взбиваем мы) – в стихии ты своей.
Давай, ищи, высвистывай подружку,
она ведь где-то здесь, среди ветвей...
Я стал тобой на миг! Я лёгкость эту
постиг, вспорхнул, поверил детским снам...
Я – воробей. А воробью-поэту,
должно быть, всё же, легче жить, чем нам...

* * *

Я на древесной ветке голой – почка,
мала и неказиста, но во мне
зелёный пламень нового листочка,
запрятавшийся в тёмной глубине.
Я терпелива. Сплю и вижу сны.
Неторопливо пью земные соки.
Расту и жду, когда настанут сроки
и станет явным торжество весны.
И озарится воздух голубой,
когда откроются всех почек недра,
и нежный цвет зелёный – брызнет щедро,
рифмуясь с зеленеющей травой.
Листочек крохотный, едва живой.
Как он ликует средь весенней шири,
кричит, бодает ветер головой!
Он в мир рождается. Светлее станет в мире.

* * *

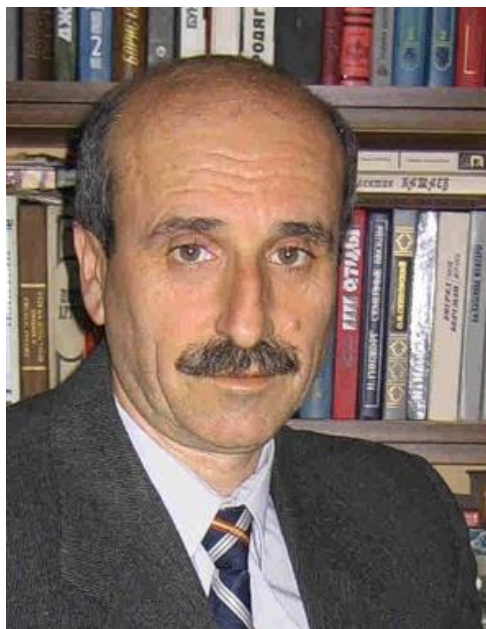
Я – туман, я утренний туман.
Я как скверный гость – никем не зван.
Всё скрываю, всех свожу с ума.
Чуть видны деревья и дома.
Всё как будто бы ушло на дно.
Светит одинокое окно.
Всё я обложу своею ватой.
Звуки приглушу, умерю свет.
Даль исчезнет, перспективы нет.
Где же неуклюжий, угловатый
мир? Где всякий видимый предмет?
Всё во мне, чуть зримое, таится,
всё преобразится в глубине
и внезапно вылетит, как птица,
и увидится как бы во сне,
как виденье, по краям размыто,
резкость черт утратив, вес, объём...
Всё – из вашего изъято быта,
став иным в чистилище моём.
Плоть вещей во мне как будто тает.
Всё трепещет, ожидая вас!
Вот он, мир – пред вами вырастает,
но уже понятен не для глаз...
Лишь душа – невидимое схватит,
перед тайной трепетно замрёт...
Лишь душа – с туманным миром сладит,
всё, от глаз сокрытое, поймёт.
И откроет: всё едино, цельно,
всё смешалось, сблизилось, слилось –
то, что было до сих пор отдельно,
в свете дня существовало врозь.
Как поэт, я говорю туманно,
дар прозренья в суть вещей мне дан.
Говорите, зыбко всё и странно?
Чтобы всё увидеть безобманно,
окуните этот мир в туман...

* * *

Я лошадь, да, я загнанная лошадь.
И этот день уже, пожалуй, прожит...
А новый день – не в силах я начать.
О, убежать, исчезнуть, одичать!
Ах, Господи – как будто тянут жилы...
Двужильна я? Трёхжильна? Может быть.
Но где же взять мне, как найти мне силы,
чтоб этот воз тянуть, чтоб дальше жить?
Я лошадь, лошадь... Я едва дышу.
Пока живая, я стихи пишу,
нездешние пространства открывая.
Хромая рифма и строка кривая,
но правда в них, но стук моих копыт
но стихотворный ритм –
сквозь эту жуть, сквозь быт.
Я загнанная лошадь. Я крылата.
Я, может быть, мифический Пегас,
но жизнь изматывает до упада.
А всё же пыл – не до конца погас.
Усну – огня в душе остаток тлеет,
и жжёт. И рифме в такт – машу хвостом.
Как будто бы над белым я листом
тружусь во сне – и чем-то чудным веет...
Глаза открою – снова быт. Всё то же...
Дай воздуха глоток, дай миг свободы, боже!
Ни шагу больше! Хоть кнутом хлещите,
снимайте шкуру! Баста. Не взыщите.
Я – загнанная лошадь, лошадь, ло...
Я падаю! ...Как сладко... Как тепло...

* * *

Я – вино, что созрело. Куда мне излиться
и кого – опьянять? Я в подвалах созрело, вино!
И так жадно гляжу в эти юные лица!
Виноградное слово моё им дано.
Я – вино. Я – вина. Я во всех пробуждаю избыток
бытия – тот, который обычно под спудом таят.
Не безумствуем мы – совершаем одну из попыток
стать живыми от головы и до пят.
Может быть, позабыв свою трезвость, разумность, опаску,
вы займётесь, как хворост, готовы сгорать и сгореть,
чтобы сбросить привычную маску, войти в мою сказку,
быть готовыми и полюбить, и умереть...
О, себя обретаем, уже не боясь потерять,
обретаем, рискуя кого-то обжечь и обжечься,
загоревшись. Ты, юность, к ковшу на минуту присядь,
раздели со мной радость моих сумасшествий.
Это – трапеза, пир, а не то, что мы жизнью зовём.
Это плоть бытия! Это мясо, что кровью сочится!
Как душа голодает, зимою насытиться тщится.
Захмелей же со мною вдвоём!
Я – отвагу дарю. Ведь на свете нет большего страха,
чем боязнь полюбить, этой жизни отдаться сполна.
Жить боимся, едва повзрослев... Я – целебная влага,
я рубиновый пламень вина.
Пей вино, что созрело. Поиграй и переброди,
стань вином, превратись для кого-то в чудесный напиток.
О, избытком своим напои! Чуешь, как потеплело в груди!
Опьяняй, раздавай бытия драгоценный избыток...

Владимир СПЕКТОР

* * *

От прошлого не в восторге.
Что в будущем? Нет ответа.
Разведчик товарищ Зорге
Погиб. И доклада нету.

А радио говорило
И даже предупреждало:
Настанет время дебилов.
Хотя их всегда хватало.

* * *

– Ты слышишь,
как сердце стучит у меня?
– Нет, это – колёса по рельсам...

– Ты видишь –
дрожу я в сиянии дня?
– Ты мёрзнешь. Теплее оденься...

– Ты видишь –
слезинки текут по щекам?
– Нет, это дождевики – к удаче...

– Ты чувствуешь –
я ухожу к облакам?
– Я вижу, я слышу... Я плачу.

* * *

По имеющимся данным
(Что имеем – не храним),
Данным странным
и не странным,
Всё идет в трубу, как дым.

Было поздно – стало рано,
Там, под небом молодым,
По имеющимся данным,
Воздух счастья – тоже дым.

В СЕТЯХ ИНТЕРНЕТА

Усопших утопий незримые тени
Витают в просторах Фейсбука.
Скажи мне: «Ты с теми,
а, может быть, с теми,
Входя в зазеркалье без стука?»

Там правда с враньём –
наугад, вперемешку,
Там белый становится красным...
Но, коль в короля превращается пешка,
То, значит, игра не напрасна?

А с кем и куда, и зачем, и откуда –
В утопии тонут ответы.
Незримые тени надежды на чудо
Витают в сетях интернета...

* * *

Условно делимы на «право» и «лево».
Как славно незримы «король, королева,
Сапожник, портной»...
Это со мною и с целой страной,

Где всех поделили почти безусловно
На «любишь – не любишь»,
на «ровно – не ровно»,

А будто вчера –
Жизни беспечной была, как сестра,

Страна, где так быстро привыкли к плохому,
Где «эныки-беныки» вышли из дому,
А следом свинец,
Хочешь – не хочешь, но сказке – конец.

* * *

Беззвучное эхо того, что прошло –
Обрывки вчерашних афиш.
Я помню. И помнить – моё ремесло,
Где память – как трепетный стриж,
Который, взмывая, парит в небесах
И времени третье крыло
Уносит всё выше и дальше на взмах
От эха того, что прошло.

* * *

Добро опять проигрывает матч.
Счёт минимальный ничего не значит.
Закономерность новых неудач
Почти равна случайности удачи,

Чья вероятность близится к нулю,
Как вероятность гола без штрафного.
Добро, проигрывая, шепчет: «Я люблю»,
И, побеждая, шепчет то же слово...

* * *

Идеи напрокат, и в розницу, и оптом...
Оглянешься назад – уже за поворотом

Эпоха рваных слов и задубевшей веры,
Где эхо «будь готов» и души-пионеры

Летят, теряя след, как сбитые вопросы.
Идей в продаже нет.
Есть дождь, как смех сквозь слёзы...

* * *

На окраинах воздух свежей,
На окраинах дышится легче.
Там «Ещё», позабыв про «Уже»,
Беззаботно шагает навстречу

Дню и ночи, не думая впрок,
Кто удачливей – принц или нищий?
Тот – не близок, а тот – не далёк...
Ну, а воздух – действительно чище.

* * *

Провинциальных снов задумчивый простор,
Неспешный, как туман, окраины укрывший,
Как времени с судьбой негромкий разговор,
Который души рвёт и манит выше крыши.

Но в небе – облака, а на земле уют,
Порядок простоты и простота порядка.
И только по ночам по-прежнему зовут
Непойманные сны, летая без оглядки.

* * *

Сединой в бороде серебрится прошедшее время.
Чьи-то лики сквозь блики и вспышки на солнце мелькают.
Бесы рёбра щекочат и что-то внушают по теме,
Отправляя не время, а то, что во времени, – в аут.

Что-то ангелы тихо поют о добре, но не веско.
И пространство души наполняется гулом сраженья.
"Про любовь" – это песня, а может быть, лишь эсэмэска,
Где шрапнелью взрывается точка в конце предложения.

Фёдор Фм

* * *

кисть класть клёст
воздушный воз вёз
несметно семена бури
снежной – из смежной
в нашу волость
новость
в ночь – накануне
уведомили – упредили
готовы ли вы к метели
жители
с утра глядели
да не увидели
себя на льдине

всё было – камень
под облаками
но – час до полдня –
и закружило
сидел мужчина
на свежем насте
округ запястья
кровавый крап
рубин рябины
вразлёт
врасхлёт
а начиналось и не всерьёз
кисть класть клёст

* * *

сколько ключей
у моей бас-гитары
басовый – им я не пользуюсь
не по бумагам играю
он лишь формальность пожалуй
символ – и только
а два шестигранника – чёрных
что из железа – всегда под рукой
струны поднять-опустить
или анкера силу
грифу задать –
но об этих немногие знают
сколько ключей у стиха –
не отвечу и вовсе

* * *

джинса и джезва
джаз
зашедший
с чужого чейнджера случайно
затихнет он – пчела зачешет
стекло крылатыми плечами

ствол солнца
в кобуре с мансардой
окошки – гильзы или шоты –
вбирают запахи лазаньи
из лузы здешнего шеф-кока

и лошадь в желудях – большая
играет изумрудной гривой
а я с утра слегка вожжаюсь
абориген – ленивый гринго

кругом индусы и индейцы
и сарацины и – джекпота
потоком – праведники мести
открыта заново европа

конквистадоры диковаты
весьма – но было ли иначе
когда идалго в рыжих латах
летали на копчёных клячах

цивилизации метнулись
и уцепились за другую
недооценивая улиц
окаменевшую кривую

мощёны мозгом и мощами
побиты доблестью и солью
а кто сегодня беспощадней
и кто теперь чего достойней

пока вопрос
джинса и джезва
пчела из рода медоносов
и чем-то век окрасит место
неровен час
ремейк
репосты

* * *

такие дни – без кацавеи
сойдёшь с крыльца
и вмиг мурашками обсеет
аж до крестца

пожухла жизнь а ветер знойкий
зудит чуть за угол свернёшь
издалека – от самой зорьки
до вечера и дальше – сплошь

обронит яблоко на крышу
заломит жёлоб жестяной
шатает шаткое и дышит
в стекло и квохчет под стеной

пущу ему дымка да с печки
сниму пол-литра кипятка
темна колодезная вечность
прозрачна – будто бы без дна

Марина ШАДУЯ

За летом осень
 бежит лисицей...
Найду я место,
 где примоститься
раздумьям долгим,
 да листьям палым...
Те мысли – дождик
 у переправы...
А дальше холод
 зимы постылой,
и мысли-стужа,
 как край могилы.
И их припрячу,
 куда деваться,
Мне очень надо
 весны дожждаться.
На складе пусто –
 люди не заходит.
Поблэк призыв мой:
 "Всем вход свободен".
Все эти мысли –
 товар чреватый,
сегодня важный,
 а завтра – клятый.
Да и на вид он
 совсем не броский –
лишён он блеска,
 лишён он лоска...
К нему б поближе
 вам приглядеться,
глядишь, и ёкнет
 хоть чьё-то сердце.

* * *

Я кладовщик.
 Складирую мысли –
товар бесхозный,
 отчасти лишний...
Но кто-то ж должен
 хранить всё это...
Подальше в угол
 упрячу лето,
что промелькнуло
 в окне напротив,
оставив мысли
 на развороте
тетрадки школьной
 смешной девчонки,
(как паутинки,
 те мысли тонки)

Светлана
ШАХАНОВА

* * *

Поэзия с возрастом тише,
Душа – беззащитней и злей:
Стихи, как летучие мыши,
Ночами слетаются к ней.

Терзает её год за годом
Вампирство навязчивых дум:
Несутся лихим хороводом
Любовь, вероломство и ум.

Бескровна, пуста, одинока,
Тряпицей трепещет душа.
Её отсосали до срока,
А раньше – была хороша!

Но, стоит дожидаться рассвета,
Исчезнут вампирство и страх.
Чернильною кровью поэта
Дымятся стихи на листах...

* * *

Ищу людей.
Наскучила толпа:
Безглазая, горластая, глухая.
Без сна бреду
Неведомо куда,
Прохожих одиноких окликая.
Но город скуп
На тёплые слова.
Он мрачен,
словно болен безнадёжно.
Растут каштаны.
Он бубнит: «Дрова».
Кричу: «Нельзя!».
А он – бросает: «Можно!»

* * *

В стихи от боли прячется душа.
По строфам бродит, словно по аллее.
От жизни потихонечку мудрея,
Гуляет по следам карандаша.
И, кутаясь в эпитеты, как в шаль,
Врачует раны словом осторожным...
Но – что стихи? Искуснейшие ножны,
Хранящие отточенную сталь...

* * *

Есть некая прелесть в дождях –
Нахальных, настойчивых, крепких.
И в каплях стремительно-метких,
И в луже, возникшей на днях...

Под лёгким цветастым зонтом
Прижаться – порыв откровенный.
И в серой, подмокшей Вселенной
Так славно сейчас. А потом

Охрипшая дверь проскрипит,
Предчувствие (даже не чувство)
Разрушит. Обыденно пусто
Всё станет... Но что-то хранит

Невинную прелесть в дождях –
Нахальных, настойчивых, крепких.
И в каплях стремительно-метких,
И в луже, возникшей на днях...

ТЕНЬ УТРЕННЕГО ГОРОДА

Тень переползает по ступенькам
Серой сонной лестницы,
Телефон мобильный в сумке тренькнул –
Тень в испуге крестится.

Город приоткрыл объятия –
Подставляет улицы,
Только тень под утренней печатью
Шаркает, сутулится.

Горлицы гуляют по брусчатке
Черновицких площадей.
Кормит тень кусочком булки сладкой
У фонтана голубей.

Город в вихре листопада,
В ворохе кленовых звёзд.
Словно перемазанный помадой,
Весь в листве – Турецкий мост.

Ветер в парке листья обрывает
И швыряет в фонари.
Осень буки строгие качает
И танцует: «Раз... Два... Три...»

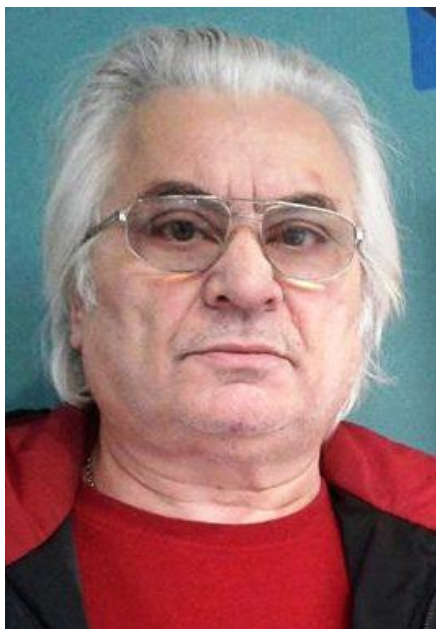
Город мой октябрь носит,
Украшает улицы.
Тень его на фото «шесть на восемь»
На асфальте жмурится...

* * *

Слегка прикоснусь к плечу –
К шовчику на рубашке.
Как будто смахнуть хочу
Пылинку. И в синей чашке
Подам несерьёзный чай –
С листочком кошачьей мяты.
А ты мне не отвечай...
Как будто бы мы женаты.

И медленно, как в кино,
Изысканно-осторожно
Вползёт полумрак в окно
И тюль всколыхнёт. Возможно,
Ты просто прикроешь дверь.
А я – не разрушу словом
Надежды. Кто мы теперь?
Соседи... Под общим кровом.

Слегка прикоснусь к плечу –
Задену рукой случайно...
Рассеянно промолчу...
На кухне напиток чайный
Допью. И наварим плов,
Чтоб ужинать до рассвета...
И нет безответных слов,
Бывают лишь – без ответа...

Анатолий
ШЕВЧЕНКО

МОЙ ПАРУС

Я поднял свой парус,
Мне ветер попутчик,
Причал где-то там в небесах.
Друзья – облака,
А противники – тучи.
И всё это в божьих руках.

А Бог – чудотворец!
Он всё сверху видит –
Куда и зачем, для чего.
И путника Он
Никогда не обидит.
Нет цели такой у Него.

Творец не карает,
Не верьте писанью.
Отец не накажет дитя!
Он дал нам сознание
Не для покаянья,
А для осознания себя.

И каждый из нас
У руля своей лодки,
А Он у причала нас ждёт.
Важна не победа,
А правила гонки.
За это Бог вечность даёт.

ЧУДАК

Жил на свете человек-чудак.
Рядом шёл со всеми, но не в ногу.
Был, как все, но делал всё – не так,
И везде искал свою дорогу.

Предлагал: беседовать с душой,
Не использовать других советы,
Чаще быть наедине с собой,
Терпеливо ожидать ответы.

Шёл всегда нехоженой тропой
И твердил, что новый путь – короче.
По ночам беседовал с луной
И считал, что день страшнее ночи.

Утверждал, что жизнь – всего лишь миг.
На земле живущее всё тленно.
Души же живут в мирах других,
Слившись воедино во Вселенной.

Говорил, что жил в таких мирах –
Там любовь всей жизнью управляет.
И рассказывал о чудесах,
От которых сердце замирает.

Жил он без друзей и без врагов,
И его считали все беспечным,
А он всем твердил, что лишь Любовь
Может сделать человека вечным.

ПОСЛЕДНИЙ МИГ

Мои года, что за плечами,
Ушли в туман небытия.
Последний миг – не за горами!
Готова ль ты, душа моя,

Уйти в просторы Мироздания,
Покинуть здешние места,
В которых, как гласят преданья,
Творилась божья красота?

Не нахожу пока ответа –
В который раз! – на свой вопрос.
А осень снова после лета –
Дождь, холода, потом мороз.

Зима – как время размышлений,
Но не о прошлом, а о том,
Что сделал ты для поколений,
Чтоб помнили тебя потом.

Весна – возможность всё исправить.
Восполнить жизненный пробел
И память добрую оставить,
Чтоб опыт твой сердца всем грел.

Последний миг не за горами.
Готова ль ты, душа моя?

Любовь ШЕМЧУК

МОМЕНТЫ ЖИЗНИ

В одну реку нам дважды не войти.
Перелистав забытые страницы,
Мы вспоминаем прошлого пути,
Где времени тянулись вереницы.

Мы камни в реку с берега бросали,
И расходились по воде круги...
О счастье

мы с тобой тогда мечтали –
Моменты жизни эти сбереги.

Теперь стремительно летят года,
Проходит жизнь

и неизбежна старость...
Мечты умчались, словно поезда –
Я на перроне
счастье ждать осталась...

НЕ ЗМОЖУ РОЗЛЮБИТИ

Ты умеешь красиво любить,
Я на відстані це відчуваю...
Между нами незримая нить
Пов'язала "люблю" і "кохаю".

Без любви
не прожить мне и дня,
Без кохання й тобі
не прожити...
Даже, если разлюбишь меня –
Я не зможу тебе розлюбити.

НЕ ЖАЛЕЙ...

Не жалея, ты уже ни о чём не жалея,
Хоть и машет крылом уходящее лето.
Не считай за спиной своих прожитых дней –
Наша осень в ярчайшие краски одета.

Были детство и юность, их не обойти,
Время мчалось стрелой, мы года не считали...
Незаметно и быстро на жизни пути
Седовласую осень с тобой повстречали.

Но красиво стареть мы умеем с тобой,
Хоть в висках седина пробивается где-то...
Краски пёстрые осень несёт за собой,
Греет душу теплом уходящее лето.

СЧАСТЬЕ БЫЛО РЯДОМ

Когда-то счастье в дом мой постучало,
Я перед ним тихонько дверь закрыла.
Зачем стучалось – так и не узнала,
Спросить про цель визита я забыла.

Потом оно ещё раз приходило,
Решила: может, почтальон с конвертом...
Но снова дверь ему я не открыла
И лишь сейчас жалею я об этом.

А счастье по пятам моим ходило,
Теперь вот поняла, что было рядом.
А я всего-то двери не открыла –
Не дотянулась ни рукой, ни взглядом.

БЕГУТ, ЛЕТАЮТ ГОДА...

Бегут, летят года,
Тихонько канут в Лету.
Тебе мою реку
Уже не переплыть.
Ушло за горизонт
И скрылось в осень лето,
И прежнего тепла
У нас не может быть.

Ах, как летят года,
Сливаясь дружно в даты!
Нам не вернуть любовь –
Возвратный путь закрыт.
А были ведь с тобой
Мы счастливы когда-то.
Забыта я тобой,
Но мной ты не забыт.

Ушло за горизонт
И скрылось наше лето.
Вновь кружит карусель
Осенний листопад.
А в стареньком саду
Грустит скамейка где-то,
Она нас ждёт с тобой,
Как много лет назад...

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «КОВЧЕГ»

Василь ЯР (ЯРМОЛЮК)

«Ріка», 2005

Юрий ЧЕРНЫШЁВ

«Увенчанный казнью», 2006

«Огонь на себя», 2006

«Покоя нет», 2 т., 2009

«Стихи», 2014

Виктор ШАПРАН

«Схованка живого світу», 2008

Сергей ШИП

«Родом из чуда», 2008

«Элементарная философия», 2012

«Барабан любви», 2012

«Горький мир сладких грёз», 2013

«Я верю в лучшую из сказок», 2013

«С чистого листа», 2014

«Горсть бисера», 2014

Сергей ДУНЕВ

«Доброе ремесло», 2008

«Разноголосица», 2011

«Спор с судьбою», «На излёте лет», 2012

«Блики», «Строфы», «Крайние стихи», 2012

«Ларец», «Днесь», «Отрада», 2014

«Черновые строки», 2014

«Новый день», 2015 «Поворот», 2017

Владимир СПЕКТОР

«От возраста находок вдалеке», 2008

Василь ДРОБОТ

«Почти случайные слова», 2009

«Холодное тепло», 2009

«На семи ветрах», «Пряничная сказка»,

«Пора расставаний», «Откровение», 2009

Владимир ЗУБКОВ

«Зеркало времени», 2011

«Поздняя любовь», 2012

Светлана ПАВЛОВА

«Остров спасения», 2012

Михаил РАКОВ

«Стихи», 2012

Андрей ЮЖНЫЙ (ЩЕРБАТОВ)

«Здравствуй, мир!», 2012

Юрий АНИСИМОВ

«Во мне, из меня, от меня...», 2015

НОВЫЙ КОВЧЕГ

международный поэтический альманах
Ассоциации русских поэтов «Азъ есмь»

Выпуск первый (№ 16), 2017 г.

Главный редактор
Сергей Дунев

Корректор
Михаил Лецкий

Компьютерный набор,
верстка, дизайн
С. Василевич

Сдано в набор 01.12.17.
Подписано к печати 10.12.17. Лит.-худ. изд.
Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура "Arial"
Издатель – АРП «Азъ есмь».
Житомир. 2017

